

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

УДК 1
ББК 87

С. А. Кудрина

ФИЛОСОФИЯ КАК НОСТАЛЬГИЯ

Статья посвящена философии, которая рождается и существует не только как вопрошание о том, что есть безусловно существующее, но и выражает тоску по совершенному, дерзновение и устремленность человеческого духа к полноте своего бытия, реализуемого за пределами несовершенного мира. Показано, что движущая сила для ностальгирующей философской души — не любопытство и не гнозис, но желание и готовность полностью изменить себя, чтобы приблизиться и прикоснуться к совершенству. Обосновано, что философия есть свободное творение и угадывание некогда предназначенного, но утраченного; интуиция того, чем человек мог бы быть, если бы не предпочел абберрации духа. Сделан вывод, что философия есть ностальгия по «бытию, которое взывает», жажда рекреации, гармонии и покоя, тоска по Гиперурагии как искомой родине души, стремление не только знать Истину, но и вернуться к Ней и пребывать в Ней.

Ключевые слова: истоки философии, Афины и Иерусалим, «выход за пределы», философия как ностальгия.

S. A. Kudrina

PHILOSOPHY AS NOSTALGIA

The article is devoted to philosophy, which is born and exists not only as a question about what is unconditionally existing, but also expresses the longing for the perfect, the boldness and aspiration of the human spirit to the fullness of its being, realized outside the imperfect world. It is shown that the driving force for the nostalgic philosophical soul is not curiosity or gnosis, but the desire and willingness to completely change oneself in order to come closer and touch perfection. It is substantiated that philosophy is a free creation and guessing of what was once intended, but lost; intuition of what a person could be if he did not prefer the aberration of the spirit. It is concluded that philosophy is nostalgia for “being that cries out”, thirst for recreation, harmony and peace, longing for Hyperurania as the sought-after homeland of the soul, the desire not only to know the Truth, but also to return to It and stay in It.

Key words: the origins of philosophy, Athens and Jerusalem, “exiting beyond”, philosophy as nostalgia.

DOI: 10.46724/NOOS.2021.4.45-49

Ссылка для цитирования: Кудрина С. А. Философия как ностальгия // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 4. С. 45—49.

Citation Link: Kudrina, S. A. (2021) Filosofiya kak nostalg'iya [Philosophy as nostalgia], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 4, pp. 45—49.

© Кудрина С. А., 2021

Ноосферные исследования. 2021. Вып. 4. С. 45—49 •

Еще со времен Гераклита Эфесского Логос стал притягивать философов, стремящихся, с одной стороны, разумно постичь судьбу и тайну космоса, а с другой — приблизиться к нему пламенной (не варварской) душой. Уже тогда появилась идея единства нравственно-познавательного опыта, идея восхождения (возвращения, приближения, прикосновения) к Логосу (бытию, истине, благу), которое невозможно без чистоты и бодрствования души. Философия изначально не только предстала как вопрошание и размышление о том, что есть безусловно сущее, что есть первоначало, первопричина, но она еще и заявила о себе в культуре как постоянное напоминание о нездешнем свете, болезненная тоска по совершенному, как дерзновение и устремленность человеческого духа к предполагаемой, когда-то или где-то возможной, полноте бытия, реализуемой за пределами этого несовершенного мира.

Философ не только по-аристотелевски «принуждаем самой истиной», но и движем жаждой «выхода за пределы» — ведь «метафизика есть основное событие в человеческом бытии» и «наше бытие в любой момент всегда заранее уже выступает за пределы сущего в целом» [7]. Поэтому можно сказать, что философия есть поиск и свободное творение пути угадывания и обретения некогда предназначенного, но трагически утраченного. Она есть интуиция того, чем человек мог бы быть, если бы не предпочел aberrации духа. Философия есть не только стремление к знанию, это еще и жажда прикосновения и возвращения. Философия есть ностальгия по «бытию, которое вызывает», она «приходит в движение только благодаря своеобразному скачку, в котором наша собственная экзистенция посвящается сущностным возможностям человеческого бытия в целом» [7], она есть жажда рекреации, гармонии и покоя, блага и красоты, платоновская тоска по Гиперурии как искомой родине души, стремление не только знать Истину, но и вернуться к Ней и пребывать в Ней. Это благое стремление становится не только делом жизни, но и смыслом смерти; и это показал Сократ. Он относился к философии не как к профессии и не как к развлечению, форме проведения досуга, а как к приближению к Благу, в свете которого стоит жить и за которое есть смысл умереть. В контексте самопознания, приближающего к истине, философа всецело занимает мысль о смерти и ожидание ее. Сократ, по свидетельству Платона, призывал к стяжанию добродетели и совершенства, так как считал, что «те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью» [2, с. 14], поскольку знают, что душа, покидая этот мир, не сможет забрать из него «ничего, кроме воспитания и образа жизни» [2, с. 69]. Смерть Сократа свидетельствует о том, что философия как ностальгия и кардиогнозия светла, чиста, бескорыстна и жертвенна; она не только встречает и терпит непонимание и насмешки пещерного большинства, которое не выносит ее, обличающую пороки и всю неправду здешнего существования; она есть еще и подвиг, поскольку в этом мраке презираема и жестоко наказуема. Не только сама ностальгирующая душа рвется «к тому, что ей сродни» [2, с. 40], но и пещера-чужбина всеми темными силами своего невежества или утонченно-интеллектуального софистического цинизма выталкивает эту светлую душу из себя. «Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, — пишет В. С. Соловьев в своей работе «Жизненная драма Платона», — не есть настоящий, подлинный мир. Существует другой мир, где *правда живет*» [4, с. 605].

Как писал Плотин в трактате «Об уме, идеях и сущем», философы «увидели — как раз в силу... зоркоглазости — горнее сияние, и вознеслись туда сквозь, так сказать, тучи и здешнюю мглу, и стали обретаться там, презрев все здешнее, ради того, что там — подлинное их обиталище, совсем как тот, кто вернулся в благоспасаемое отечество из долгого странствия» [3, с. 257—258]. И эта тоска души философа по небесному отечеству, ее ностальгия, полная трагичности и одновременно предвкушения радости, становится тем источником, из которого душа черпает силы.

Порою осознание философами несовершенства этого мира, испытываемое ими нетерпение неподлинного существования приводят к разного рода утопиям, реализация которых может стать или становится грубым недуховным форсированием и лишь мнимым приближением некоего подобия того града, который утрачен и сокрыт. Но эти утопии по прошествии времени разочаровывают как жалкие пародии на совершенство именно в силу своей профанной грубости; причем такое форсирование, как правило, не приносит ничего, кроме трагедии разрушения и насилия. А ностальгирующая душа философа, не поддавшаяся искушению и не увлекшаяся такого рода подменами, радуется всему, в чем находит отблеск того совершенства и того света, к которому стремится и который сама старается нести в мир, и глубоко скорбит от всего, что весь мир и конкретно ее саму от этого совершенства отдаляет.

Конечно, эта сторона философии явлена отнюдь не везде, да и далеко не все философы согласны с акцентом на такой смысл философствования. Более того, данная ипостась философствования порой оценивается как интеллектуальная бедность и ограниченность наивных простаков, не умеющих сложно и разносторонне мыслить, а способных только на самопожертвование, самоукорение, стяжание добродетели, веру и эмоции. Ностальгировать, искать и жаждать возвращения души в ее пресветлое небесное отечество, жертвуя при этом строгостью, теоретической обоснованностью и весьма притягательной для интеллектуалов концептуальной сложностью, — значит рисковать не только званием философа, но иногда и жизнью. К тому же гораздо безопаснее философствовать в духе холодного отстраненного интеллектуализма, стремясь в качестве стороннего наблюдателя постичь истину, чтобы затем удачно выразить ее в форме понятия, или вовсе рассматривать философию как форму проведения досуга, некую безответственную интеллектуальную игру, праздное упражнение для ума и своеобразное состязание в остроумии. У Клайва Льюиса в повести «Расторжение брака» есть пример такого мыслителя: его привезли на экскурсию в рай, но ему невыносимо скучно в раю, он стремится во что бы то ни стало покинуть его, чтобы вернуться обратно, чтобы опять оказаться ближе к аду и насладиться там интеллектуальными беседами и собственным остроумием на заседании богословского кружка [1]. Любопытство, любознательность, желание самодемонстрации и похвал для него куда важнее рая, на фоне которого всё это наукообразное интеллектуальное словоблудие как раз оказывается пустым, нелепым, бессмысленным.

Движущей силой для ностальгирующей философской души становится уже не любопытство и не гнозис, но желание и готовность полностью изменить себя, чтобы приблизиться и прикоснуться к совершенству, а также вполне человеческие эмоции по отношению к высшему: ведь без любви и дерзновения какой же выход за пределы? Как идти к Истине, если не жаждать ее и не радоваться вместе с другими малейшему прикосновению к Ней? В диалоге Платона

«Гезтет» Сократ утверждает, что «как раз философу свойственно испытывать изумление, оно и есть начало философии» [2, с. 208]. Отчаяние также рассматривалось в качестве вдохновляющего начала философии, как свидетельствует Л. Шестов, повествуя о С. Кьеркегоре [8]. Гераклит плакал, Демокрит смеялся... Даже И. Кант — и тот был полон удивления и благоговения: ведь над ним — звездное небо, в нем — моральный закон!

В этом смысле одним из важнейших испытаний для философии стало ее существование в контексте распространения христианства, а конкретно — благой вести о Царствии Небесном, которое приблизилось и которое обретается через овнутрение. Теперь стал слышен не просто зов Истины, Добра и Красоты, но сама Любовь стала вершиной онтологической вертикали, и соприкосновение с Ней никак не могло стать результатом одних только размышлений — ведь немислима и логически невыводима, в частности, любовь к врагам как присутствие и проявление этой божественной Любви. Согласно одной из важнейших христианских заповедей блаженства, «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Чистоту и простоту сердца стали противопоставлять философии, Иерусалим как светлый символ приближения Царства — Афинам как блужданию ума, лишённого божественного света. И уже непосредственно философов касалось сказанное апостолом Павлом: «Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). К. С. Тертуллиан, усомнившийся как раз в этой возможности философии — быть дорогой к Царствию Небесному, ссылаясь на приведенные слова апостола Павла. Он видел в философии не истину первоначальную, а вторичную — причем исключительно языческую — лживость, «домогательницу и исказительницу истины» и не видел ничего общего между тщеславным философом, который, по его мнению, только крадет и продает истину, и тем, кто искренне верит и ищет рая. В своей работе «О прескрипции [против] еретиков» он писал: «Что Афины — Иерусалиму? Наше установление — с портика Соломонова, а он сам передавал, что Господа должно искать в простоте сердца (Прем. 1:1). Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, в поисках истины — после Евангелия» [5]. Философы, согласно Тертуллиану, «только стремятся к истине... но не владеют ею» — разве что только Сократ «приблизился к истине... поскольку ниспровергал богов» [5]. А вот Аристотеля Тертуллиан вообще назвал «жалким» за то, что тот не приблизил греков к небу, а только «сочинил для них диалектику — искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую» [6, с. 7—8].

Постепенно такое неприятие философии как лукавого мудрования, не выдержавшего испытания раем, уводящего от истины и совершенства в мир релятивизма, и ее противопоставление христианству утратило свою категоричность и непримиримый характер. Крупицы истины находит в греческой философии святой Иустин Философ, уважавший Гераклита и Сократа за жизнь в гармонии с Логосом; согласно Августину Блаженному, Ансельму Кентерберийскому и более поздним философам, в том числе русским религиозным, вера и понимание вполне могут находиться в гармонии, что предполагает даже возможность христианской философии. Таким образом, был оправдан разум и философ в деле

приближения к Царствию небесному перестал восприниматься исключительно как самозванец, навсегда лишенный возможности этого приближения.

Библиографический список

1. Льюис К. С. Расторжение брака. М.: АСТ, 2020. 128 с.
2. Платон. Федон // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 7—80.
3. Плотин. Об уме, идеях и сущем // Философия природы в античности и в средние века: сборник статей и переводов / общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 257—273.
4. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и составление А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. С. 585—625.
5. Тертуллиан К. С. К язычникам // Тертуллиан К. С. Избранные сочинения. М.: Прогресс, Культура, 1994. С. 37—82.
6. Тертуллиан К. С. О прескрипции [против] еретиков // Тертуллиан К. С. Избранные сочинения. М.: Прогресс, Культура, 1994. С. 106—129.
7. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. 304 с.
8. Шестов Л. Афины и Иерусалим. М.: Рипол-Классик, 2017. 414 с.

References

- Heidegger, M. (2007) *Chto takoye metafizika?* [What is metaphysics?], Moscow: Akademicheskii Proekt.
- L'yuis, K. S. (2020) *Rastorzheniye braka* [Divorce]. Moscow: AST.
- Platon (1993) Fedon [Phaedo], in Platon. *Sobr. soch. V 4-kh t. T. 2* [Plato. Collected papers in 4 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', pp. 7—80.
- Plotin (2000) Ob ume, ideyakh i sushchem [On the mind, ideas and existence], in Gaydenko, P. P., Petrov, V. V. (ed.) *Filosofiya prirody v antichnosti i v sredniye veka: sbornik statey i perevodov* [Philosophy of nature in antiquity and in the Middle Ages: a collection of articles and translations], Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 257—273.
- Shestov, L. (2017) *Afiny i Iyerusalim* [Athens and Jerusalem], Moscow: Ripol-Klassik.
- Solov'yev, V. S. (1990) Zhiznennaya drama Platona [Plato's life drama], in Solov'yev, V. S. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', pp. 585—625.
- Tertullian, K. S. (1994) K yazychnikam [To the pagans], in Tertullian, K. S. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works], Moscow: Progress, Kul'tura, pp. 37—82.
- Tertullian, K. S. (1994) O preskriptsii [protiv] yeretikov [On the prescription [against] heretics], in Tertullian, K. S. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works], Moscow: Progress, Kul'tura, pp. 106—129.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021.

Сведения об авторе

Кудрина София Альбертовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, sofia-kudrina@mail.ru

Information about the author

Kudrina Sofia Albertovna — Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, sofia-kudrina@mail.ru